

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: http://zavtra.ru/

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

Глава из новой книги
"Игорь Северянин"

К 1910 году Игорь Северянин уже издал за счёт своего богатого дядюшки из череповецкой Владимирской губернии Михаила Петровича Лотарёва немало мелких брошюр...

мелодии, но в литературном мире его ещё не знал никто. Так могло продолжаться бесконечно долго, популярность у широкого зрителя и читателя часто не совпадает с вниманием литературной элиты...

Позже Иван Наживин вспоминал ещё раз об этом эпизоде в своей книге "Из жизни Льва Толстого", вышедшей в Москве в 1911 году: "В один из вечеров писатель поспе удачно закончившейся для него карточной игры (выиграл 7 копеек)...

многочисленная и пустоватая газетная критика, пусть и рекламирующая поэта таким образом, но придирающаяся к каждой новой строчке. Писатель Роман Гуль писал в рецензии на сборник Северянина "Менестрель": "В былые времена bonton литературной критики требовал бранить Игоря Северянина. Его бранили все, кому было не лень, и часто среди "иглоков шартреза" и "шампанского кеглей" в его стихах не замечали подлинной художественности и красоты...

...Трудно, да и не хочется судить теперь о том, хорошо это или плохо. Это ново – спасибо и за то... Лев Толстой, сам того не ожидая, помог Игорю Северянину с утверждением своей литературной маски. Благодаря разнуданной критике он понял, чего жаждет народ от поэта, и отошёл от своих былых ультрапатриотических народнических стихов. Как пишет критик В. Кошелев: "маска "экстазного" эстета-"гения", призванного эпатировать публику "ананасами в шампанском", "дежурными аэдоутантессами", "фиолетовым трансом" и т.п., навсегда определила его поэтического "место" (хотя, между прочим, такого рода стихи со-ст а в л я ю т очень неболь-

Забыв об этом, ждали, что все люди Должны пребывать в таком же волшебстве. И сипились, с сумбуром в голове, Под грохоты убийственных орудий, К нему взнесты умы свои и груди, Бескрылые в толстовской синеве... Солдат, священник, вождь, рабочий, пьяный Скитались перед Ясною Поляною Измученные в блуде и во зле. К ним выходило старческое тело, Утешить и помочь им всем хотелось И – не могло: дух не был на земле. 1925

Владимир БОНДАРЕНКО

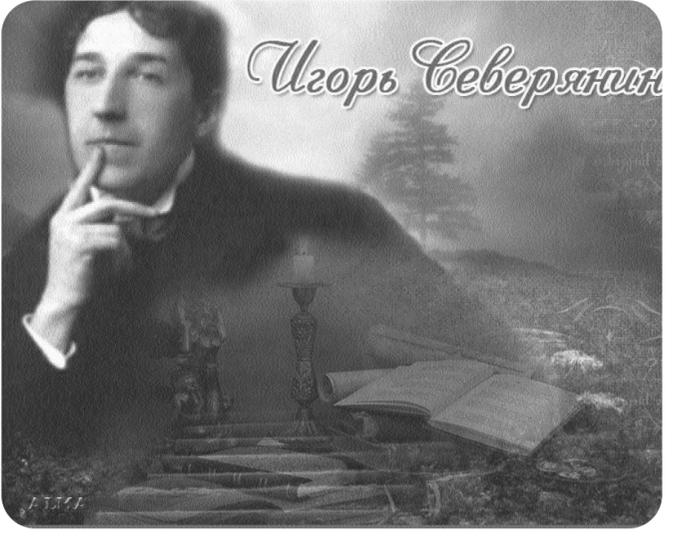
Обруганный классиком

итивные звуки", не то "Интуитивные-краски", где, разумеется, был и "вечер, сидящий на сене", и необыкновенная любовь какая-то, и всевозможные выкрутасы. Особенно всем понравилось стихотворение, которое начиналось так: Возним же штопор в упругость пробки, И взоры женщин не станут робки...

остальные журналисты. А на самом деле он подарил ему славу.

уже такие поэты, как Александр Блок, Валерий Брюсов, Фёдор Сологуб, Николай Гумилёв... В 1916 году

шую и явно не основную часть его обширного творческого наследия)... Увы, маски часто определяют в глазах массовой публики тот или иной образ поэта, "ананасного" Северянина, вольного флибустьера Гумилёва, "домотканного" Клюева, или даже горлана, главаря Маяковского, и что бы они сами ни писали в дальнейшем, маска всегда остаётся при них. Исследователь творчества Николая Гумилёва В. Кошелев отмечал: "Поэтическая "маска" Гумилёва не без оснований связывается со знаменитыми "Капитанами" (появившимися в первом номере "Аполлона") – маска "флибустьера" и "открывателя новых земель", в "высоких ботфортах" и "брантанских манжетах", маска неприменного "предводителя", вольного, точного и дерзкого в своих поисках. Эта же "маска" становится определяющей и при восприятии гумилёвской лирики. В стихотворении "Пять поэтов" (1918) Северянин отдаёт предпочтение Гумилёву перед В. Ивановым, А. Белым, И. Бунным и М. Кузминым именно из-за этой маски "капитана" на поэтическом корабле: Нет живописней Гумилёва: В лесу тропическом костёр! Благоговейно любит слово. Он повелительно-остёр.

Игорь Северянин

Но вскоре Лев Николаевич омрачился. Чем занимается!.. Чем занимается!.. – вздохнул он. – Это литература! Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки! То есть, вначале эти стихи выслушали с удовольствием, как некую забаву. Но отсмеявшись и выслушав гневную отповедь Льва Николаевича Толстого, присутствующего в Ясной Поляне журналисты мгновенно разнесли отрицательный отзыв Толстого по всей России.

Северянин после таких стихов вошел в моду. В 1911 году Валерий Брюсов (1873-1924), тогдашний поэтический мэтр, написал ему дружеское письмо, одобряя брошюру "Электрические стихи". Другой мэтр символизма Федор Сологуб (Фёдор Кузьмич Тетерников, 1863-1927) участвовал в составлении первого большого сборника Игоря Северянина "Громокипящий кубок" (1913), сопроводив его восторженным предисловием и посвятив Игорю Северянину в 1912 году трилет, начинавшийся строкой "Восходит новая звезда".

уже вышла книга "Критика о творчестве Игоря Северянина", где автор предисловия издатель Евгений Пашуканис писал, что интерес к поэту критики "так или иначе способствовал тому исключительному успеху, в котором одни видели самую печальную картину падения литературных вкусов, другие – начало особого внимания читающего мира к новому стихотворцу". Уезжая в 1918 году из Петрограда, Северянин оставил у знакомых 15 толстых альбомов с вырезками из газет на своё творчество.

"Повелительная" маска Гумилёва оказывалась и выигрышнее, и симпатичнее, и приятательнее того уровня "сноба скверного пошиба", каким он сам выглядел в восприятии "капитана". Однако Северянин вполне сознательно отказался от вступления в "гумилёвское" объединение: оно грозило утратой "поэтической маски", с таким трудом обретенной. Именно благодаря её наличию Северянин оказался, наконец, признан и в кругу поэтов: Брюсов посвятил ему два стихотворения, в их числе сонет-акrostих "И ты стремишься ввысь, где солнце вечно..." (Северянин тут же откликнулся своим сонетом-акrostихом "Великого приветствует великий..."); Сологуб представил молодого поэта петербургскому литературному миру и написал восторженное предисловие к сборнику "Громокипящий кубок"...

Благодаря отзыву Льва Толстого молодой поэт проснулся пусть и поругиваемый, но значительностью. Как писал Оскар Уайльд, обожаемый поэтом: лучше всего, если тебя обругает классик... Газетчики к нему ринулись со всех сторон. Издавались, но печатали и его стихи, и критику о нём. Игорь Северянин вспоминает, когда Лев Толстой разразился "потокот возмущения по поводу явно иронической "Хабанеры", об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики (псевдоним театрального критика Сергея Петросова (1870-1953), после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну!..

Северянин после таких стихов вошел в моду. В 1911 году Валерий Брюсов (1873-1924), тогдашний поэтический мэтр, написал ему дружеское письмо, одобряя брошюру "Электрические стихи". Другой мэтр символизма Федор Сологуб (Фёдор Кузьмич Тетерников, 1863-1927) участвовал в составлении первого большого сборника Игоря Северянина "Громокипящий кубок" (1913), сопроводив его восторженным предисловием и посвятив Игорю Северянину в 1912 году трилет, начинавшийся строкой "Восходит новая звезда".

уже вышла книга "Критика о творчестве Игоря Северянина", где автор предисловия издатель Евгений Пашуканис писал, что интерес к поэту критики "так или иначе способствовал тому исключительному успеху, в котором одни видели самую печальную картину падения литературных вкусов, другие – начало особого внимания читающего мира к новому стихотворцу". Уезжая в 1918 году из Петрограда, Северянин оставил у знакомых 15 толстых альбомов с вырезками из газет на своё творчество.

Николай Гумилёв как бы отвечает Льву Николаевичу Толстому на слова о вульгарности Северянина: "И вдруг – о, это "вдруг" здесь действительно необходимо – новые римляне, люди книги, услышали юношеский звонкий и могучий голос настоящего поэта, на воланюке людей газеты говорящего доселе неведомые "основы" их страстного бытия. Игорь Северянин – действительно поэт, и к тому же поэт новый. Что он поэт – доказывает богатство его ритмов, обилие образов, устойчивости композиции, свои, и остро пережитые, темы. Нов он тем, что первый из всех поэтов настоял на праве поэта быть искренним до вульгарности."

С тех пор каждая моя новая брошюра тщательнее комментировалась критикой на все лады, и с лёгкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ратгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому было не лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи, устроили благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них, – в вечерах, а может быть, и в благотворителях, – участие... Зато и газетные критики, подхватив отрицательный отзыв великого писателя превратили его в всеобщее достояние, со своими убийственными комментариями. Сам поэт шутил: Моя вторая "Хабанера" Взорвалась, точно динамит. Мне отдалась сама Венера, И я всемирно знаменит!..

Никакая восторженная статья любого критика не могла так бы вознести Северянина. С этого момента и пошла его всероссийская фантастическая слава.

Самое печальное, что этот знакомый бежал из России в 1920 году, и судьба всех этих ценностей встречать мне не известна, хотя он и уверял меня в прошлом году в Берлине, что эти книги, как ему "достоверно известно, находятся в полной сохранности, однако я всё же сильно беспокоюсь...".

Спешу оговориться. Его вульгарность является таковой только для людей книги. Когда он хочет "восторженно славить рейхстаг и Бастилию, кокотку и схимника, порывистость и сон", люди газеты не видят в этом ничего неестественного. О рейхстаге они читают ежедневно, с кокотками водят знакомство, о порывистости и сне говорят охотно, катаясь с барышнями на велосипеде. Для Северянина Гёте славен не сам по себе, а благодаря... АмбразураТома, которого он так и называет "прославитель Гёте". Для него "Державиним стал Пушкин", и в то же время он сам – "гений Игоря Северянина".

Что уж там говорить, отношение к поэзии у Льва Николаевича было своеобразным, стихи читать он не очень любил, разве что почитывал самых знаменитых поэтов, да общего развития, чтобы видеть, куда катится русская поэзия. Честно сказать, он и Пушкина невысоко ценил, наравне с Шекспиром. Естественно, поэзия Игоря Северянина была ему чужда, хотя в этом сборнике "Интуитивные краски" были и патриотические стихи о русско-японской войне, и отнюдь не эпатажные лирические стихи в духе Некрасова. Но все говорили только о "Хабанере": ХАБАНЕРА II Сеньоре За

Впрочем, Георгий Иванов сообщает о том, что он "не уверен, что это не апокриф". И добавляет о самом Северянине: поэт считал, что своей славой он обязан исключительно себе самому и самоуверенно заявил: Я год тому сказал: я буду. Год отсверкал. И вот я есть!..

Пик славы Игоря Северянина приходится на 1918 год, когда в Москве 27 февраля на выборах короля поэтов в Политехническом музее Игорь Северянин победил самого Владимира Маяковского и был выбран королём поэтов. Но о роли Льва Толстого в мгновенной славе Игоря Северянина помнили все. Николай Гумилёв, неоднократно встречавшийся с поэтом, позже писал в "Письмах о русской поэзии": "Ведь ещё так недавно Лев Толстой, прочтя в брошюре Игоря Северянина строки "Возмите штопор в упругость пробки, и взоры женщин не будут робки", с горечью удивлялся, до чего дошла русская поэзия, как будто поэзия сколько-нибудь ответственной за невозможные выходы литературных самозванцев".

Впрочем, своя маска была и на великом старце Льве Николаевиче Толстом. Маска великого утописта. Слуста пятнадцать лет после толстовского "разгрома" молодого поэта Игорь Северянин в 1925 году искренне посвящает ему своё стихотворение: ЛЕВ ТОЛСТОЙ Он жил в Утопии. Меж тем в Москве И в целом мире, склонные к причуде,

Возмите штопор в упругость пробки, И взоры женщин не будут робки!.. Да, взоры женщин не будут робки, И к знойной страсти завьются тропки... Плесните в чаши январь муската И созерцайте цвета заката... Раскройте мысли в цвета заката И ждите, ждите любви раската!.. Ловите женщин, теряйте мысли... Счет поцелуям – пойдти, исчисли! И к поцелуям финал причисли, И будет счастье в удобном смысле!..

Что это? Гордость, самоуверенность или наглость, что зовётся "вторым счастьем"? Ведь вознесённый Северянин к небу и несколько лет сверкал звездой первой величины. Что было, то было... Громокипящая критика привела к громокипящей славе его первого большого сборника стихов "Громокипящий кубок". И впрямь, взоры женщин не стали робки, чем успешно и пользовался долгое время Игорь Северянин. Через полгода после его "Хабанеры" появились ещё более знаменитые "Ананасы в шампанском".

Умелое сочетание российской действительности и норвежско-испанских грёз, молитвы и романа, соединяющие воедино несоединяемого и создали всемирную славу поэту. Тем более, несомненным был его поэтический талант, свежий взгляд, изысканность и своеобразная народность. Но разгром "Хабанеры" Северянин никогда не забывал, уже в 1914 году в стихотворении "Сувенир критике" (1914) Северянин восклицал: Ах, поглядите-ка! Ах, посмотрите-ка! Какая глупая в России критика: Кто насмеялась над "Хабанерою", Блеснуе вульгарною своей манерою.

Так второй раз в жизни пересеклись пути толстовца Ивана Наживина и поэта Игоря Северянина. И оба отмеченные великим старцем.

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года. Регистрционный № ПИ 77-7768. Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13. Тел. редакции: 8-499-246-00-54. Наш сайт: http://denlit.ru. Служба распространения: 8-499-246-88-52. Электронная версия: http://zavtra.ru. Электронный адрес: denlitera@yandex.ru. Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

Главный редактор Владимир БОНДАРЕНКО. Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА. Подписано в печать 24.08.2015 г. Заказ № 1322